

фотограф: *Николай Кузнецов*

Искусство состояний

©Николай Кузнецов, тексты, фотографии, макетирование, дизайн.

<http://fotonik22.ya.ru> , e-mail:fotonik22@mail.ru , tel. +79052155100

Все права защищены. Перепечатка материалов, размещение в интернет и коммерческое использование без письменного разрешения автора запрещены.

Алматы - Москва - Санкт-Петербург, 2007-2008гг.

Содержание

Введение 3

Магический узор 21

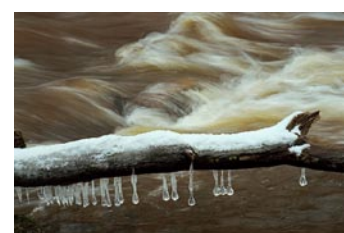
Живое озеро 5

Монокль 26

Повелитель Неба 10

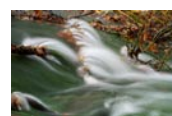
Интуиция в искусстве
фотографии 31

Жажда жизни 17

Эпилог 35

Подписи к фотографиям 36

Введение

В фотографии, как и в любом другом виде искусства, можно просто делать «поделки», цепляя лишь поверхностные контуры вещей. Но можно и идти вглубь, отражая самую суть. В таком случае она обретает особую глубину, звучание, силу. Что служит критерием такой фотографии? Прежде всего, наш с вами внутренний отклик. Либо он есть, и снимок цепляет до глубины души, либо его нет, и тогда самые совершенные, с технической точки зрения, фотографии оказываются лишь пестрой картинкой и не более того.

Что требуется от фотографа для того, чтобы зацепить и передать это самое Нечто? Совсем мало и очень много, для этого надо уметь входить в контакт со снимаемым объектом, входить в те состояния, которые требуется передать. В них руки сами будут делать то, что нужно, глаза сами будут подмечать необходимые нюансы и автоматически корректировать построение композиции так, чтобы в кадре отразилось именно то, что нужно, и ничего лишнего.

Выезжая куда-нибудь в лес или в горы, мы часто сталкиваемся с чистыми состояниями — качествами природы. Они завораживают своей простотой, глубиной, тотальностью.

Вот оно! Сразу хочется сделать несколько кадров, порой кажется, что момент истины настал, и обязательно все хорошо получится... А потом наступает болезненное и мучительное осознание того, что снимки не отражают и сотой доли той чистоты, той сказки и той атмосферы, которой был напоен воздух в момент фотосъемки. Остались лишь снимки местности, а сказки нет.

Так что же требуется для того, чтобы передать это нечто, чего не ухватить руками? Того, что заставляет тело дышать полной грудью, а глаза держать широко открытыми? Может, для этого необходима самая совершенная фотокамера? Отнюдь, даже самая навороченная фототехника не гарантирует получения совершенного результата. Хорошая аппаратура необходима лишь для соответствующего технического обеспечения в момент фотосъемки, а самое главное всегда остается за кадром.

Я говорю о фотографическом видении и умении фотографа входить в контакт с тем предметом, который хочется отснять. Если есть контакт, то ситуация сама начинает развиваться наилучшим образом. Скажем, при фотосъемке насекомого оно само начинает позировать, поворачиваться так, как нужно, подлетать к нужной точке пространства, и делает взмах крыльев точно в момент срабатывания затвора фотоаппарата. Если снимаем озеро, то ноги сами бредут в ту точку, откуда открывается наилучший вид, а солнце выглядывает из-за туч точно в нужный момент.

Как-то не принято говорить о том, что мир вокруг нас — живой. Но именно осознание этого факта и дает ключ к пониманию многих необычных вещей и явлений, сопровождающих нас в наших поездках и путешествиях. Если принять факт, что озеро это не просто глубокая лужа, а живое, осознанное существо, тогда будет гораздо легче снять его портрет. Именно портрет — снимок, отражающий состояние и настроение этого существа, а не просто топографический снимок местности. Леса, реки, горы, озера, деревья, цветы и травы — это живые существа. Они говорят с нами, общаются между собой на своем языке, он непривычен нашему разуму, но прекрасно понятен нашему телу.

Вы никогда не отдавали себе отчет в том, что наш разум выдрессирован думать только определенным способом? Он натренирован видеть только в узком диапазоне световых волн, слышать — в незначительном диапазоне звуковых волн, думать только в терминах привычных фраз и понятий. Мы сидим в темнице нашего разума, отрицая многие очевидные вещи. Это отрицание мешает видеть и слышать язык гор, рек и озер — язык природы. Мы замкнулись в узком мирке больших городов и воспринимаем мир вокруг нас как нечто непонятное, а значит — враждебное. Редкие вылазки на природу наполняют нас ощущением щенячьего счастья. И вновь мы возвращаемся в привычный неуютный, шумный и суетный город, вспоминая редкие и яркие минуты истинной радости.

Но сейчас ситуация стала меняться, больше не удастся так просто закрыться в маленьком мирке большого города. Природа и туда начала врыватьсся с неудержимой силой, ломая привычные устои и стереотипы. Ураганы, землетрясения и наводнения все чаще стали сотрясать наши города. Глобальное потепление все мощнее заявляет о себе и сильнее, день ото дня, расшатывает нашу привычную картину мира. Заставляет чувствовать себя неуютно и незащищено в безжалостном мире стихий. А между тем появляется все больше людей, чувствующих себя превосходно, идущих навстречу этим самым стихиям и растворяясь в них без остатка. Дело в том, что в глубине человеческой сущности и на уровне физиологии мы настроены на те же ритмы и вибрации, что и планета Земля. Иначе мы просто не смогли бы существовать. Осознаем мы это, или нет, но мы являемся неотъемлемой частью живого организма под названием Земля. Реки, горы, леса и моря — это тоже неотъемлемая часть земли, а значит и нас самих. Мир вокруг нас начал неудержимо меняться. Не пора ли нам пойти к нему навстречу, на встречу с самим собой? Мы так долго бегаем от истинного Я, не отдавая себе в этом отчета, а меж тем, нужно сделать лишь один шаг и раствориться в стихии, слиться с ней, чтобы стать самим собой — Человеком планеты Земля.

И вправду, я увидел совсем другое озеро - живое озеро. Оно говорит с путниками, поит их чистейшей горной водой из своих ладоней. Оно постоянно меняет свой цвет, в зависимости от времени года, погоды, времени суток и настроения. Озеро дышит, то наполняясь, то делая глубокий выдох зимой. После зимнего покоя, весной, по берегам в обилии появляются подснежники и звенит, осыпаясь, игольчатый лед. В мае месяце озеро освобождается ото льда, и начинает медленный глубокий вдох. С момента пробуждения и до самых зимних холодов вокруг благоухают цветы, постоянно сменяя друг друга. Сначала подснежники (крокус алатауский), потом ирисы, тюльпаны, маки, эдельвейсы и др. В лесах, расположенных вдоль ущелья реки Большая Алматинка, растет множество грибов: рыжики, сыроежки, шампиньоны, вешенки, грузди... Грибники говорят, что в этих горах нет ядовитых грибов, хотя однажды я нашел мухомор. К ручьям приходят испить водицы тэки - горные козлы, все лето на полянах слышен пересвист сурков, они живут здесь большими колониями. Рассказывают, что видели здесь и снежного барса, который иногда спускается полакомиться нежным мясом сурков. Кстати, по берегам этого озера нет ни одного клеща. Словом, настоящий рай для любителей живой природы.

Живое озеро

Большое Алматинское озеро расположено в горах Заилийского Алатау на высоте 2510 м над уровнем моря, на территории Или-Алатауского национального парка в республике Казахстан.

Однажды побывав в этом месте, я ничего особенного не увидел. Озеро как озеро, горы как горы, плотина, перегораживавшая ущелье, тоже не придавала особой эстетики этому месту. Несколько шумных компаний на машинах окончательно испортили мое впечатление. После того похода я несколько лет не появлялся в этом месте. Но однажды друзья стали звать с собой, прикоснуться к прекрасной горной жемчужине Большому Алматинскому озеру.

- Как же, видел вашу «жемчужину», - сказал я с кислой миной.

- Судя по твоему лицу, ты ничего не видел. Пойдем, мы познакомим тебя с удивительным созданием, чей лик помогает забыть обо всех проблемах.

С момента настоящего знакомства с этим удивительным существом, оно стало моим другом. Каждый свободный день я старался посвятить общению с озером. Ни дождь, ни снег, ни наступление сумерек, не могли помешать мне добраться до места и вновь побыть наедине с ним, наедине с собой... Бывало, вдруг, в суете рабочих дней как-то по-особому начинало замирать сердце - это озеро звало меня к себе. В такие моменты я бросал все, брал рюкзак, палатку, фотоаппарат и уходил к нему. Как только я появлялся во владениях этого существа, начиналась настоящая мистерия. Свет начинал струиться как-то по-особому, ноги сами выходили в места, откуда открывался новый, потрясающий и совсем незнакомый вид. Откуда-то появлялись силы, буквально вырастали крылья за спиной. В такие моменты я мог бегать без усталости по горам, слившись всей душой с мудрым и спокойным духом озера. Когда я окунался в обжигающе холодные воды, по телу пробегала волна жара и оно становилось легким-легким, словно сотканным из светящихся нитей. Дуновение ветерка проникало под кожу, выдувая остатки тяжести на душе и в сердце. В город я спускался окрыленным и обновленным. Заряда бодрости и энергии, после таких походов, хватало очень надолго.

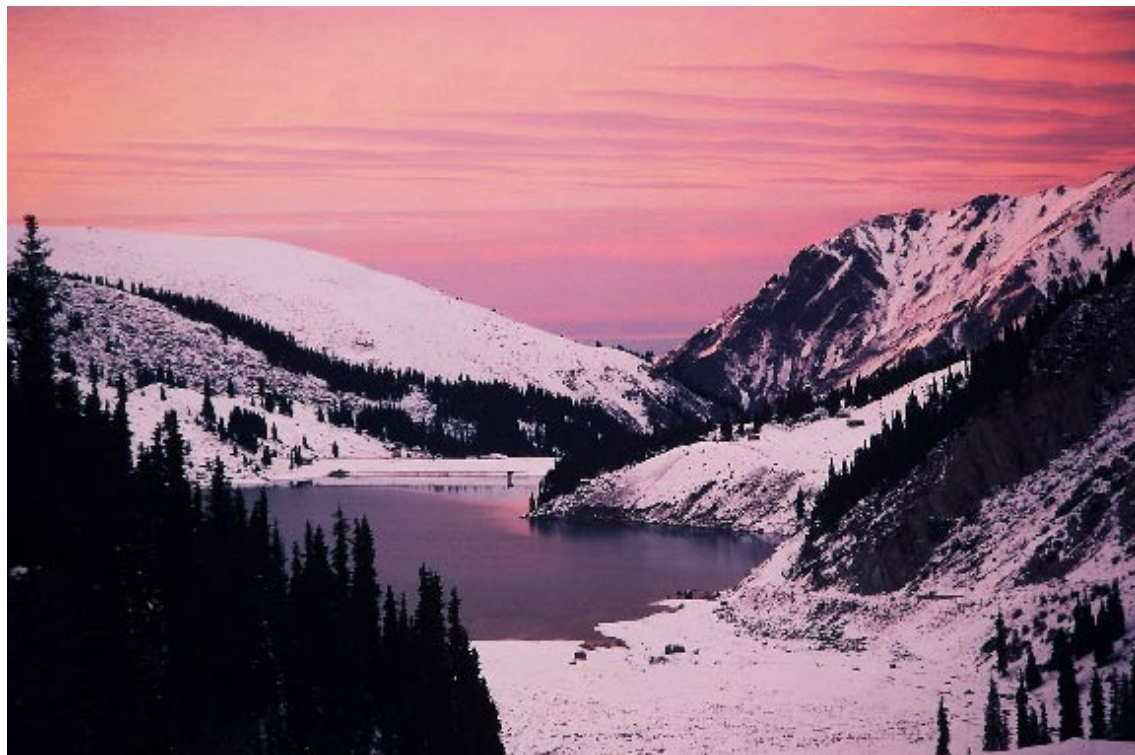
На протяжении трех лет практически каждый свободный день я бывал в этом месте, и каждый раз передо мной открывались новые удивительные грани озера и меня

Своим присутствием в моей жизни оно постепенно очищало душу и смывало налет черствости с сердца, который неизменно появлялся от контакта с большим городом.

Но вот однажды, когда я в очередной раз прибежал туда, вижу, что все вокруг как-то изменилось. Все вроде бы на месте, но что-то не так. Появилась какая-то другая нотка, нотка легкой печали и особой умиротворенности.

Как зыбкая рябь на воде, она висела в воздухе, лишая покоя. Тут я понял - Озеро прощается со мной. Оно подарило лучшее из того, что могло подарить, а теперь настало время расставаться. Я открыл свое сердце, поблагодарил это необыкновенное существо за его силу, любовь и заботу, что так щедро изливались в мою душу, сделал последний глоток воды и отправился в город...

С тех пор прошло уже несколько лет, я больше ни разу не был в том месте. Обстоятельства стали складываться так, что попасть туда не появлялось ни единой возможности. Вдруг появлялась масса препятствий и неотложных дел. То срочные командировки, то какие-нибудь экспедиции, то еще что-нибудь приключится. Словом, дорога туда закрылась. Значит, мне туда и не надо...

Теперь только фотографии напоминают о том чуде, с которым однажды меня познакомили друзья и которое так сильно повлияло на мое ощущение жизни.

Немного о технике

За период общения с Озером я сменил несколько поколений фотоаппаратов. Первая камера, как и у большинства советских фотолюбителей, был Зенит, Зенит АМ2. После двух месяцев работы он окончательно и бесповоротно рассыпался в моих руках. Потом я переломал еще пять «зенитов»: Зенит Е Зшт., Зенит ЕТ и Зенит ТТЛ. С каждым из них была своя история, но в целом их работу могу охарактеризовать как очень ненадежную. Они рвали и царапали пленку, плохое внутреннее чернение камер давало непередаваемую «зенитовскую» мягкость. У Зенита ТТЛ крайне тяжело нажималась спусковая кнопка, что неизбежно приводило к «шевеленке» при съемке с рук. Зенит Е хоть и намного старше, но работал намного мягче и лучше других. Поэтому при кончине очередного помощника я старался найти именно Зенит Е.

У всех моих «зенитов» на морозе шторки затворов непременно замерзали и отказывались работать, кроме того, в плохих погодных условиях стоило огромных усилий менять объектив. Замерзшие пальцы не слушались, а объектив не спешил встать на место. В общем, первые кадры сопровождалась невероятной войной с фототехникой, хотя это совсем не омрачало моего очарования и нисколько не лишало удовольствия от процесса фотосъемки. К моменту кончины пятого Зенита (я утопил его в горной реке) у меня был по тем временам неплохой набор оптики: Мир1 37мм., Юпитер 9 90мм, Индустар 61 50мм, Волна 9 50мм, макро и Гелиос 44 м. Поэтому я решил найти импортную резьбовую зеркалку под М42. Выбор остановился на камере Fujika с оптикой Super Takumar 50 мм, f 1.2, от Asahi Pentax. Диапазон выдержек от 1с. до 1/1000 значительно расширил мои творческие возможности, кроме того, на морозе она практически не замерзала. Но по-прежнему проблема смены объективов в экстремальных погодных условиях оставалась очень острой.

Вскоре я окончательно осознал, что необходимо переходить на фотокамеры с креплением под байонет. Тогда и появился в руках мой первый Nikon, одна из довольно редких моделей под названием Nikkormat. Эта камера просто покорила своей надежностью и точностью работы затвора при любых температурах и влажности. Даже при температуре 20 градусов по Цельсию ламельный затвор отсекал очень точно весь диапазон выдержек от 1с. до 1/1000с. После того, как однажды на скалах я потерял равновесие и Nikon, выскользнув из рук, стукнулся о камни и получил приличные вмятины, но продолжил свою безупречную работу, мое восхищение перешло в благоговейный трепет. Наконец закончилась многолетняя тихая война с фотоаппаратами, и камера вдруг стала частью меня, продолжением тела. Набор оптики: 24мм, 35мм, 50мм, 105мм и переходное кольцо для работы с Зенитовской оптикой дали практически неограниченную свободу творчества. Я, наконец, смог снимать то, что хочу, а не то, что навязывал скудный набор советской оптики, урезанный минимальным диапазоном выдержек. Сравнивая фотографии, сделанные Зенитом и Nikonом, я увидел, что из-за холодной войны с фототехникой уходило очень много сил и времени на сопротивление камеры, и снимки поэтому не звучали, не передавали и сотой доли того, что я видел, чувствовал, стремился ухватить с помощью фотоаппарата.

Теперь легкий щелчок затвора – единственное, что нарушало тишину вокруг, но не внутри меня. Фотокамера помогала развернуться крыльям восприятия и слиться с удивительной атмосферой озера. И, как следствие, фотографии зазвучали, обрели глубину чувств и яркость красок. В них появились жизнь, воздух, настроение.

Словом, снимки стали передавать ту атмосферу, которая, как молоко, наполняла каждую клеточку моего существа в этом удивительном месте. А может, дело не только в технике? Может, внутри себя я смог достичь той грани, за которой увиденное стало свободно перетекать в визуальный ряд фотографий, не утрачивая эмоциональной наполненности и окраски? Возможно и так. Сейчас, когда меня спрашивают о том, с какой выдержкой и диафрагмой снят тот или иной кадр, я с легкостью могу назвать все технические подробности, но разве это имеет какое-нибудь значение?

Думаю, что в фотографии, как и в любом другом искусстве, важна не механика, а то, что стоит за ней: душа, эмоции, состояния. Именно они движут автором при работе затвора камеры и наполняют кадр жизнью, светом. А нужное количество света камера теперь отсекает сама.

Повелитель Неба

Пик Хан-Тенгри 7010м. В переводе с древне-тюркского языка Хан-Тенгри означает «Повелитель Неба», верховное божество пантеона Богов (Бог Зевс - в древней Греции). Расположен в горном массиве Центральный Тянь-Шань. По вершине этого пика проходит граница трех государств: Китая, Казахстана и Киргизстана. Он имеет удивительно-правильную пирамидальную форму и возвышается над ближайшими пиками гряды Тенгри-Таг почти на целый километр. Его вечным спутником является пик Победы, 7460м, который находится несколько дальше и напоминает огромного угрюмого великана, прилегшего недалеко от подножия великой сияющей пирамиды. На высоте 4200м протекает мощный ледник, огибающий северные и южные склоны хребта Тенгри-Таг, два рукава которого носят название Северный и Южный Иныльчек. В месте соединения рукавов расположено озеро Меертсбахера, которое каждый год наполняется водой, и по которому плавают огромные ледяные глыбы – айсберги, достигающие размеров с небольшой дом. К середине, либо к концу августа озеро наполняется до максимальных размеров и продавливает ледяную плотину. Селевой поток с шумом устремляется вниз по ущелью, к началу реки Иныльчек, чего и ждут любители экстремального сплава на плотках и байдарках.

Мне посчастливилось бывать в этих местах на протяжении пяти лет подряд - с 1999 по 2003гг. Я догадываюсь, что мои фотографии и тексты не способны в полной мере передать ту атмосферу, те впечатления и ощущения, что с головой накрывали меня там. И все же, попробую поделиться с вами своим ощущением чуда...

Август 1999г. Ледник Южный Иныльчек.

Несколько месяцев я готовился к предстоящей поездке на Хан-Тенги, но когда в первый раз попал туда, был буквально раздавлен чудовищной силой этого места. Синее-синее небо, словно огромный купол, в края которого вонзились белоснежные клыки гор. Сквозь этот купол, как через линзу, светит лохматое, безжалостное солнце. Воздух, словно масло, пропитан солнечной радиацией. От излучения никуда не деться, не спрятаться. Оно прожигает сквозь всю одежду до самых костей и никакие кремы не могут спасти от ожогов кожи. На лице не осталось ни одного живого места, губы потрескались и распухли. Глаза приходится щурить, даже глядя сквозь хорошие солнцезащитные очки. Если зайти в тень, то из самого центра гор тонкой струйкой начинает подниматься холод. Он пронизывает насквозь, проникает в самое сердце. После захода солнца ледник превращается из гигантской раскаленной печи в морозильную камеру.

С огромным трудом передвигаю ноги. Легкие буквально разрываются от перенапряжения, перелопачивая пустой воздух.

По ночам острое ощущение нехватки кислорода усиливается, превращая и без того беспокойный сон в сущий кошмар. Голова налита свинцом, в ней, как в аквариуме, гулко отдается каждый шаг, каждое движение. Тошнота и острая головная боль сковали все мое тело и сознание. К концу пятого дня пребывания на леднике мои силы полностью истощились. Единственное спасение – спуститься вниз, к подножиям великих исполинов. Туда, где светит нормальное солнце, где колышутся цветы, где трава мягким ковром покрывает землю, где воздух напоен ароматами леса и луга.

Долгожданный вертолет вырвал меня из этого плена, но «льдинка Снежной Королевы» запала в мое сердце, заставляя вновь и вновь мысленно возвращаться к Повелителю Неба. В сердце возникло какое-то щемящее чувство. Странно, было так плохо, а сердце болит, словно я встретил первую любовь...

Август 2000г. Ледник Северный Иныльчек.

Этой поездки я ждал с большим нетерпением. Из прошлой поездки у меня остались не только кошмарные ощущения, но и что-то еще, что смутно бредило сердце и не давало покоя день ото дня. Я начал слышать Зов внутри себя и вдруг понял, что Гора с неудержимой силой тянет меня к себе.

Когда я ступил на ледник с борта МИ-8м, то вновь ощутил огромную мощь этого места. К своему изумлению, я понял, что Гора больше не давит меня, ее сила словно вливается в мое тело, делая его все более легким и сильным. Хотелось просто побыть здесь, во владениях того существа, что целый год являлось ко мне во сне и тянуло к себе, все сильнее день ото дня. Я приехал, чтобы раствориться в этой атмосфере и созерцать удивительные проявления неизвестного доселе мира. В этот раз я уже свободно мог передвигаться по леднику и даже предпринял попытку восхождения, хотя ни опыта таких восхождений, ни соответствующей экипировки у меня не было. Я знал, что моих сил недостаточно для подобной затеи, но Гора тянула к себе неудержимо. Не прикоснуться к ней было просто невозможно. Я добрался до первого промежуточного лагеря на 4600м и решил заночевать там, чтобы завтра подняться до второго, на 5200м. Следующий день гора встретила ураганным ветром и сильным снегопадом, который продолжался три дня. На это время я оказался узником Горы. Снегу навалило столько, что несколько раз приходилось откапывать палатку. Вскоре я был вынужден вернуться в базовый лагерь и готовиться к отправке домой. Время встречи истекло. В этот раз я уезжал переполненным каким-то необычным ощущением, оно струилось и пульсировало во всем моем теле, делая его легким, упругим и текучим. Это особое чувство радостным светом струилось из глаз и искренней улыбкой изливалось на окружающих людей.

Август 2001г. Ледник Южный Иныльчек.

В этом году я снова предпринял попытку восхождения на Хан-Тенгри. В этот раз я был с другой стороны горы, в базовом лагере, расположенном на леднике Южный Иныльчек. Отсюда Хан открывал свои склоны во всей красе, возвышаясь правильной сияющей неприступной пирамидой. Мне казалось, что сил уже вполне достаточно для этой затеи, хотя в глубине души я знал, что еще слишком рано делать такой шаг, но все же решил идти наверх.

При подходе на маршрут спустился сильный туман, видимость пропала. Пришлось ставить лагерь у подножия и ждать. Туман принес с собой тепло и сырость, одна за другой начали грохотать лавины, их шум слышался всю ночь и утро. Выходить на маршрут было крайне опасно. Может, Повелителю Неба не понравилась моя дерзость? Или это знак, что моих сил еще мало для восхождения? Утром примкнул к группе горновосходителей, но уже через 300 метров подъема понял, что сил, действительно не хватает. Каждый следующий шаг давался с удвоенной тяжестью, легкие разрывались от перенапряжения, а впереди - опаснейшее место на маршруте, Бутылка, где погибла не одна экспедиция.

Пришлось вернуться в базовый лагерь и несколько дней бродить по леднику, наслаждаясь мелодией тишины и шумом собственного сердца. Совсем не важно, что я не поднялся на вершину. Главное - не покорить высоту, а ощутить тот особый дух, которым пропитано пространство. Впитать эти чистые и необычные состояния - было моей единственной целью. А остальное не важно.

Август 2002г. Ледник Южный Иныльчек.

Я вновь у твоих ног, о, Повелитель Неба!

Я рвался к тебе, как влюбленный поэт стремится к своей музе. И вот я вновь ощущаю твои мощные и такие родные потоки Силы. Все мое существо полыхает оттого, что вновь я вижу тебя. Мое тело радуется лохматому солнцу и звенящей пустоте пространства, разряженному воздуху и напоенному Силой месту. Журчание ледяного ручейка позволяет уйти в тишину собственного Я. Легкий ветерок освежает лицо и с упоением впитывается всем телом. Небольшой глоток воды ледяной свежестью обжигает тело изнутри. Глаза впитывают глубину неба, уходящего в бесконечность космоса. Я сам ухожу в бесконечность, сливаясь ощущениями с этим местом, растворяюсь в нем, становясь единым целым с ним...

На этот раз я могу только издалека смотреть на тебя, с трудом передвигая ноги. Две недели назад я попал под камнепад в горах и травмировал колено. Распухшая нога не смогла помешать использовать шанс вновь побывать во владениях сияющей пирамиды. Меня не покидает ощущение, что тот камень - это твоих рук дело, Повелитель Неба.

Я серьезно готовился к восхождению на Хан-Тенгри, много тренировался и часто выходил в горы. Мой последний поход, перед поездкой сюда, должен был дать необходимую акклиматизацию и силу, нужную для восхождения. Но, увы, ты не разрешаешь мне приблизиться к себе ближе.

При взгляде на тебя возникает очень глубокое чувство. Оно далеко за границами любви или ненависти, радости или печали, оно иное, близкое к ощущению полной экзальтации и невероятной силы. Сверхмощные потоки проходят через самую сердцевину моей сущности, наполняя до предела все пространство внутри и вокруг меня чем-то плотным и в то же время необычайно тонким. Я растворяюсь в нем без остатка. Становлюсь некоей частью мощного живого потока, оставаясь самым собой. Здесь нет эмоций, есть только ощущение потоков, ощущение парения в этих потоках. Подбитое колено несколько не мешает свободно передвигаться по леднику и впитывать Силу, Твою силу, мою силу.

Август 2003г. Ледник Северный Иныльчек.

Нога пришла в норму, практически не мешает ходить. При первых шагах по леднику за спиной словно выросли крылья. Воздух как молоко вливается в каждую клеточку моего тела, делая его еще более сильным и легким. Неужели когда-то я здесь загибался от недостатка кислорода и еле-еле ползал, с трудом передвигая конечности?

В этом году мы с другом решили вновь предпринять попытку восхождения. До первого промежуточного лагеря на 4600м даже не заметили, как добежали. Впору двигаться дальше на 5200м, но дело к вечеру, решаем идти завтра.

На следующий день Хан помрачнел. Резкими порывами ветра и снегом в лицо стал прогонять с маршрута. При прохождении скального пояса на 5000м разыгралась сильнейшая буря, решено было спускаться вниз. Ураган свирепствовал всю ночь и утро. Позже пришли ребята, что ночевали на 5200м, там сорвало палатку с двумя альпинистами внутри, но парни смогли вовремя выскочить и оперативно ее восстановить. Один из них отделался легким испугом, другой - воспалением легких. Хан не жалуется и на этот раз. Мы с другом принимаем решение спуститься вниз по ущелью, к озеру Меертсбахера.

На следующий день вертолет доставил нас вниз, прямо к озеру. К моменту нашего появления на берегу озеро уже сошло. Всюду валялись огромные глыбы льда, достигающие порой размеров с небольшой дом.

Мы словно очутились на кладбище динозавров, погибших в великой битве. С них все еще капала кровь, стекая в лужи, образующиеся вокруг каждой из глыб. Ночь, проведенная там, только усилила это гнетущее впечатление. Обратный путь к базовому лагерю составил три дня. К концу последнего дня пути мы поняли, что не успеваем добраться засветло до лагеря, а в темноте не очень-то хотелось прыгать через трещины и разломы ледника. Поэтому последние два километра подъема бежали легким бегом. Возникло интересное состояние - состояние парения. Такого я не испытывал больше ни разу. Словно плыву в полуметре над землей, и нет для меня больше ни трещин, ни выступающих камней, ни любых других препятствий. Я, словно капля, струился по поверхности ледника. Нет ни усталости, ни одышки, только глаза светятся особым светом, лучом выхватывая пространство перед собой. Ощущение, словно я не бегу вовсе, а наблюдаю свой бег во сне, контролирую дыхание и держа направление движения. Отполыхал багровый закат, и в начале сумерек замаячили огоньки нашего лагеря. Мы успели вовремя.

А завтра вертолет унесет нас на большую землю к душному, дымному и суетному городу. И вновь я уезжаю с надеждой и с ощущением переполненности Силой, которую щедро дарит Повелитель Неба.

Гора так и не пустила меня к себе, да я и не очень стремился взойти на ее вершину, ведь основной целью поездок была возможность соприкоснуться с совершенно необычным миром, необычными и очень яркими ощущениями, глубокими переживаниями, и мощными потоками, которые проходят во владениях Повелителя Неба. У каждого свои цели. Там, в горах, остаешься один на один с самим собой и со своей целью. Каждый сам достигает своих вершин. Совсем не обязательно, чтобы это были вершины гор. В горах главное - суметь найти себя и свой путь. Не сумевшие этого сделать – гибнут. Это наш выбор, наш путь, наше счастье и наша боль. Это путь по лезвию бритвы, цель которого – обретение самого себя.

Жажда жизни

Нежная, чарующая, буйная, многоликая... Как не подходят эти слова к безжизненной, выжженной солнцем пустыне! И все-таки она именно такая, ведь ничто так не радуется жизни, как то, что скоро умрет, выгорев под безжалостным огнем солнца.

Еще с детства пустыня ассоциировалась с огромными, безжизненными пространствами под палящим солнцем. Проезжая в поезде или в машине через бескрайние степи я задавался вопросами: неужели тут могут жить люди и любить эти места? неужели им не надоедает пустой горизонт? как может это бескрайнее, унылое пространство вдохновлять поэтов или просто радовать глаз? а может, я просто ничего не понимаю?

Прошло много лет, прежде, чем я познакомился с пустыней, научился ее слышать и чувствовать. Госпожа Пустыня слегка приоткрыла для меня завесу своей тайны. Но и этого оказалось достаточно, чтобы полюбить ее хрупкую и яркую красоту, услышать и впитать шум вольного ветра, напоить свое тело мягким жаром белого солнца и слиться с бескрайним горизонтом, уходящим в самую глубь.

Как-то мы с друзьями отправились на Поющий бархан, что расположен в 120 км от города Алма-Аты. Ходило уж больно много невероятных слухов об этом месте. Например, что два хребта бархана состоят из чистейшего, тончайшего, ярко-желтого песка, который даже при ураганном ветре не улетает, а кружит вокруг него. Он стоит на дне черной каменисто-глинистой пустыни и возвышается на 60 метров, зажатый двумя хребтами гор – Аяк-Калкан и Улькен-Калкан. По словам историков, бархан за последние сто лет не только не сдвинулся с места, но и довольно прилично прибавил в размерах.

И самое невероятное из того, что о нем говорят - это то, что бархан будто бы поет, издавая громкие, протяжные звуки во время бури или когда идешь по нему пешком.

И вот после утомительной многочасовой поездки по пыльной проселочной дороге, среди пустынного марева вдруг, словно ниоткуда, выныривают два светлых песчаных крыла. Гнетущее впечатление от вида безжизненной степи сменяется яркой радостью и восторгом. Делаем первые шаги по бархану и чем дальше продвигаемся, тем глубже увязают ноги в песке.

Он набивается в ботинки так сильно, что идти становится просто невозможно. Лучше всего разуться. Идя босиком по песку, стал ловить очень необычные ощущения. Ноги, скользя по мельчайшим песчинкам, начинают чувствовать необычную вибрацию, переходящую в гул. Чем выше поднимаюсь, тем интенсивней становится звучание. Стоя на вершине бархана, я чувствую, что стою в центре огромного резонатора, издающего гул, сравнимый с шумом реактивного самолета. Но этот звук не пугает, а совсем наоборот – вызывает необычное и очень приятное ощущение во всем теле. Хочется радоваться и смеяться, словно вновь стал ребенком.

Мы провели у бархана целый день. Полуденное солнце не пекло голову, как это обычно бывает, оно мягко наполняло наши тела необычным теплом. А может, это бархан так повлиял на нас?

На следующий день мы двинулись дальше, еще к одному удивительному месту – меловым горам Актау. Белые горы - так звучит название этого места в переводе на русский язык. Буйство цвета поразило воображение. Здесь словно вволю порезвился великий художник-импрессионист, разукрашивая изумительные по своей форме и строению горы. Пространство вокруг просто завораживало совершенством форм при небывалом сочетании цвета. Единственное, что я мог, это широко распахнуть глаза и впитывать эту чарующую гармонию.

Пустыня - безликое, выжженное солнцем существо? Как я ошибался, думая так. Теперь, глядя на изумительную палитру ярких, чистых цветов, смело положенных щедрой кистью природы, я начал понимать, какой богатый и утонченный внутренний мир скрывается под покровом песчаной равнины. Как он тщательно охраняется безжалостным солнцем от непосвященных глаз. Как хрупка эта красота, это совершенство форм и красок.

Интересно, сколько тысяч лет стоит здесь это совершенство? Сколько еще лет оно выдержит под натиском человека?

На самом ли деле эта чарующая красота появилась благодаря случайному стечению обстоятельств, или это все было создано намеренно? Если это все не случайно, есть ли цель, для которой было создано столь великолепное и хрупкое в своем равновесии творение? Хотя вряд ли его создавали с определенной целью. Ведь великий художник не создает свои шедевры ради конкретной цели. Он просто не может по-другому. В момент вдохновения образы сами выплескиваются наружу. А потом они живут своей жизнью, в виде стихов, живописных полотен - гор, рек, озер и пустынь...

Я больше нигде не встречал столь стремительно сменяющиеся лики природы и такую потрясающе сильную жажду жизни, как здесь.

Магический узор

Однажды, фотографируя насекомых, я вдруг осознал, что они живут в совершенно другом мире, чем мы. Они живут рядом с нами, вокруг нас, но их мир абсолютно иной. Там другие пропорции, ритмы, течение времени, свет и цвет. Там все выглядит совершенно иначе. При погружении в тот мир меняются дыхание, ритм сердца, ощущение перспективы пространства. Краски вдруг обретают небывалые цвета, глубину и насыщенность. Солнечный свет становится текучим и начинает струиться, перетекая от капли к капле, наполняя особым сиянием все вокруг.

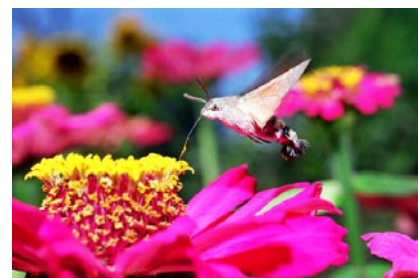
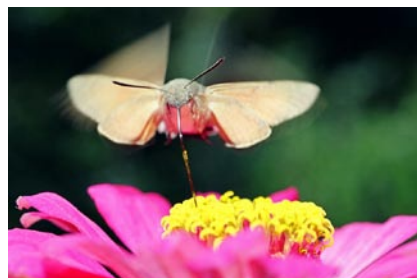
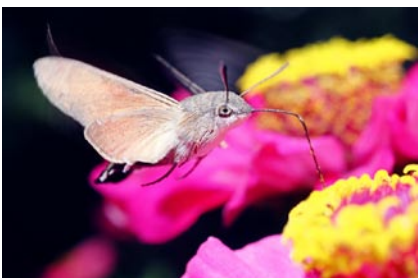
Похоже, что даже сила тяжести там меняет свое качество, и насекомые чувствуют себя абсолютно комфортно в любом положении относительно горизонта. Там нет отдельно стоящих вещей или частиц, а есть единый поток жизни, в котором оказывается неразрывно связано абсолютно все, где каждый находится на своем месте - и свет, и насекомые, и цветы, и люди...

Ощущая нити взаимосвязей, насекомые двигаются, создавая некий магический узор, сплетенный из света, тени, росы и... моего внимания. В какой-то момент я сам себя начинаю ощущать частью и, одновременно, неким центром этого узора, он отражается в зеркале моего фотоаппарата... Щелчок - и мир, сворачиваясь, летит в холодную космическую черноту, оставляя непроявленный рисунок на фотографической пленке, и я тоже растворяюсь в этой черноте без остатка. Еще щелчки..., и только смена пленки указывает на то, что время не застыло на месте. Вдох - и я снова ощущаю себя парящим в этом особом мире. Движение - и я чувствую затекшие суставы, озираюсь по сторонам и начинаю осознавать, в каком нелепом положении простоял так долго...

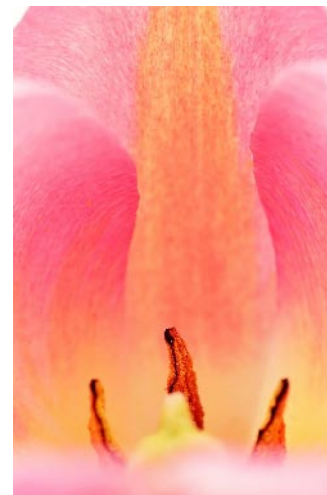

Каждый раз после такой фотосессии, словно после тотального погружения в океан света и тени, я уношу с собой ощущение сказки и несколько заветных коробочек с фотопленкой – независимым свидетелем чуда. После проявки пленки и печати снимков начинается другой, не менее важный, но очень болезненный этап. Я, словно хирург во время операции со скальпелем в руках, безжалостно обрезаю все лишнее. То, что недостаточно точно и корректно отражает чудо, свидетелем которому я был, и которое поселилось в моем сердце. Я сравниваю две картинки: одну, что лежит на столе, и другую - что пульсирует, в моем сердце. Как правило, сравнение оказывается не в пользу тех, что на столе, и тогда удаляется вся пленка. Остаются лишь маленькие крупички из огромного количества материала, но в них угадывается ощущение чуда, а значит, усилия потрачены не напрасно.

За несколько лет опыта таких погружений я понял, что невозможно адекватно отразить суть без хорошей фототехники, правильного внутреннего настроя и кропотливой работы над собой. Каждому из этих моментов надо уделять особое внимание.

Как мастер меча не сможет раскрыться в полную мощь, держа в руках ржавую железку, так и фотограф не сможет раскрыться на 100%, используя плохую фотокамеру. Фотоаппарат должен стать продолжением тела, новым органом восприятия. Если произошло слияние человека и техники, то аппаратура становится чутким, тонким и надежным помощником в этом путешествии, путешествии по особым мирам, мирам света и тени. Правильный внутренний настрой позволяет точно улавливать малейшие нюансы и вовремя реагировать на мгновенные изменения ситуации. Внутренняя честность позволяет более точно и адекватно оценивать степень своего мастерства в деле передачи тончайших нюансов и оттенков. Все вместе позволяет оттачивать восприятие и двигаться дальше, вглубь самого себя.

Тут возникает вопрос: «Какая же камера может стать тем самым инструментом?». На него нет однозначного ответа. У каждого фотографа есть свои предпочтения. Единственный критерий выбора - это ощущение «своей» камеры. Если взять такую вещь в руки, сразу возникает ощущение – ОНО. Но и этого ощущения недостаточно. Для макросъемки должна иметься соответствующая оптика, позволяющая снимать макро- и микроуровни. И, конечно, необходим штатив. Хороший штатив - это одно из непереносимых условий достижения хорошего результата. Дело даже не в том, что он позволяет увеличить выдержку без появления эффекта «шевеленки» и свободно менять глубину резкости. Штатив является точкой опоры не только для фотоаппарата, но и для восприятия фотографа. О чем это я? Во время фотосессии при погружении в макромир в сознании происходит некое раздвоение. Одна часть внимания фотографа полностью захвачена происходящим, а другая контролирует процесс фотосъемки. В этом случае штатив позволяет держать оптимальную дистанцию съемки, контролировать композиционный рисунок и уделить больше внимания происходящему в кадре. Штатив, тем самым, увеличивает предсказуемость результата фотосъемки, позволяя экономить силы и энергию. Конечно, можно обойтись и без него, но тогда будет гораздо труднее добиться стабильных результатов. А стабильность - признак мастерства.

Совсем не зря столько лет люди совершенствуют, казалось бы, уже дано совершенную аппаратуру. Год от года выходят все новые и новые камеры с новыми, порой, уникальными, возможностями. И вот наступил век цифровой техники. Что он нам дает? Новые возможности для творчества тем, кто движется вглубь, и старые, скучно-мыльные картинки тем, кто так ничего и не понял.

Мир вокруг нас все так же наполнен тайной и сказкой, и все так же трудно и легко проникнуть в нее. Ведь секрет не в технике, а в нас с вами - он внутри нас. По большому счету не важно, цифровая или пленочная камера в руках. Суть не в том, на какую камеру снимать, а в том - как это делать, с каким настроением. Умение погружаться в бездну и возвращаться не с пустыми руками - это и есть искусство, искусство восприятия, искусство фотографии.

Монокль

Пройдя через высокие горы, степи и пустыни, отсняв леса, реки и озера, погрузившись в макромир, в какой-то момент я с ужасом обнаружил, что исчерпал свои творческие силы и возможности. Продолжая снимать дальше, я всего лишь повторял свой собственный опыт, делая похожие кадры, и не более. Творческий рост закончился. А между тем, образы, зревшие внутри, требовали выхода, реализации. Обычными средствами выразить их больше не мог. Если не фотография, то что? Мне раньше казалось, что именно в этой сфере лежит мое призвание, может, я ошибался? Может, я исчерпал себя на этой стезе и пора найти другую? Начался долгий, болезненный период поиска. Я опять искал себя, искал средства, позволявшие мне выплеснуть те образы, что жили внутри и не давали покоя.

Где ответ? Где искать, и, главное, что искать? Я практически забросил традиционную фотографию. Она больше не позволяла мне выражать свои ощущения в полную мощь и даже наоборот, мешала выразить то смутное и неявное, что зрело в душе и искало выхода.

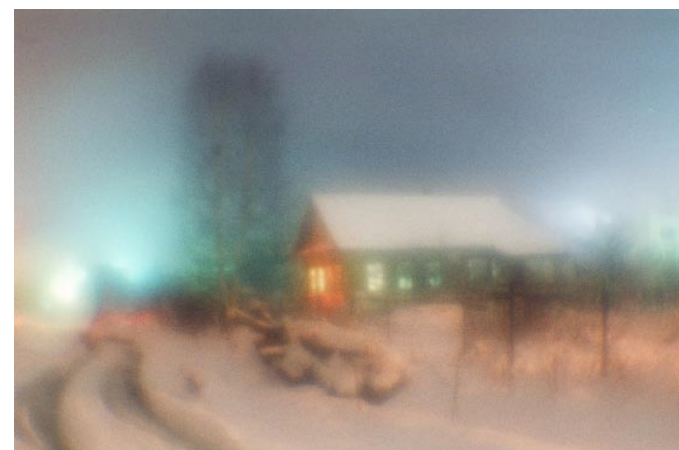

Я поменял страну, навсегда уехал из своего привычного мира, такого родного, яркого и теплого. Покинул город детства и уехал далеко-далеко, оставшись один на один с неизвестностью, без друзей, без знакомых, без связей. Переезд заставил отказаться от привычных ритмов, лишил стабильных источников дохода и принудил вести битву за выживание. Новые условия, новые люди, новые контакты, новый, суровый мир накатил жесткой волной, захлестнув с головой.

На адаптацию ушли практически все силы. Фотография отошла на второй план, на первый вышла необходимость зарабатывать на кусок хлеба. Я вошел в полный коллапс, замкнулся, оборвал все старые связи, ушел в себя и начал заниматься тяжелым физическим трудом, зарабатывая крохи на пропитание. Мое я – умерло. Старый мир перестал существовать. Прошлые события и люди перестали волновать мое сердце. Только редкие воспоминания бередили его. Иногда я все еще бродил по улицам своего родного города. Потом и это ушло. Внутри меня не осталось ничего, кроме пустоты и смутных воспоминаний. Фотокамера месяцами пылилась в углу, лежа без дела. Неужели это и есть духовная смерть? Наверное, да. Только тоненький фитилек надежды все еще теплился в глубине. Во сне являлись смутные образы и тревожили душу. Они не давали покоя, сердце разрывалось от неумения и невозможности их реализовать.

На одной из встреч я увидел фотографии, сделанные моноклем. Сердце сразу же откликнулось на эти простые, бесхитростные снимки. Вот оно! Эта та самая техника съемки, которая позволит мне пойти дальше и выразить те смутные ощущения, что давно не давали покоя. Но простой монокль давал слишком большое искажение цвета и неприятные сине-фиолетовые разводы. Неравномерность рисунка, маленькая светосила и большое фокусное расстояние такого монокля совсем не подходили для реализации моих целей. Что делать?

Главное - теперь я точно знаю, что именно мне нужно. Теперь буду искать. Покопавшись в литературе и посоветовавшись со специалистами, я выяснил, что такого объектива, какой мне нужен, не существует. Вернулся домой совсем удрученный, но луч новой надежды уже начал греть мое сердце.

И вот снова поплыли перед глазами те образы, что приходили во сне. Они становились все настойчивее и ярче, пока однажды, закрыв глаза, я полностью не отдался во власть этих ощущений, вошел в них, слился с ними. В этом состоянии я взял один из своих старых объективов, руки просто разломали его. Мне было все равно: сломал, значит – сломал. Добросовестно вытряхнул все линзы, вырвал диафрагму, перевернул передний блок линз и поставил его так, чтобы световой пучок фокусировался на расстоянии рабочего отрезка камеры.

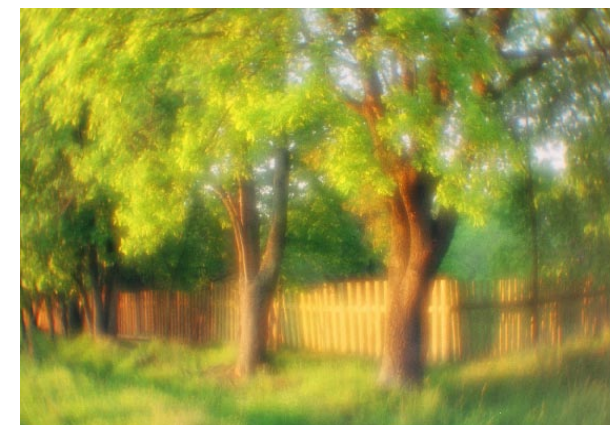
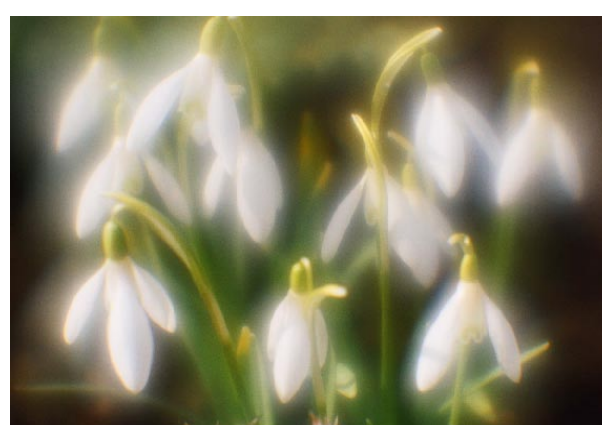
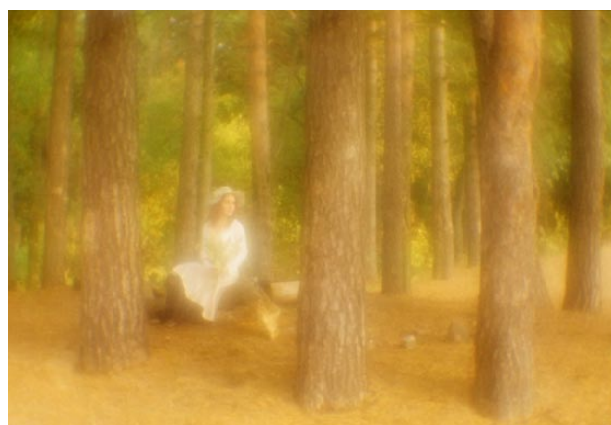
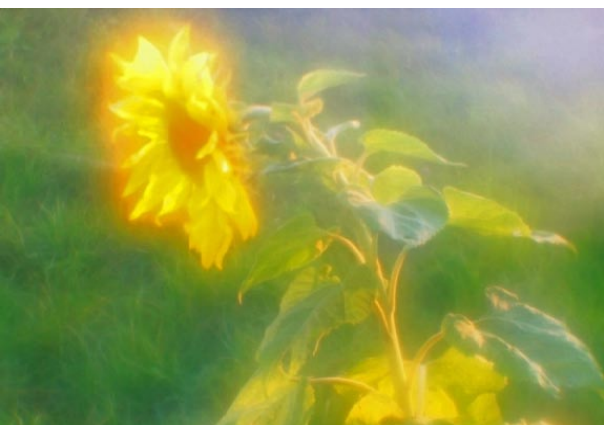

Интересно все складывается... Если склеить запчасти в таком порядке, то должен получится монокуляр... Отнес этот конструктор знакомому, он помог его склеить. Навинтил байонет и снял первые кадры. Каково же было мое удивление, когда в первых же полученных кадрах проявились те самые образы, что так долго бередили сердце и рвались наружу! В моих руках лежал неказистый на вид объектив. Зато его характеристики меня вполне устраивали. Получился сверхсветосильный объектив 50mm с диафрагмой f/1.2. Качество цветопередачи и пластика света превзошли все мои ожидания. Я получил что хотел.

Странно... нет ликования, нет какой-то особой радости, только легкая, выстраданная улыбка и чувство умиротворенности на душе.

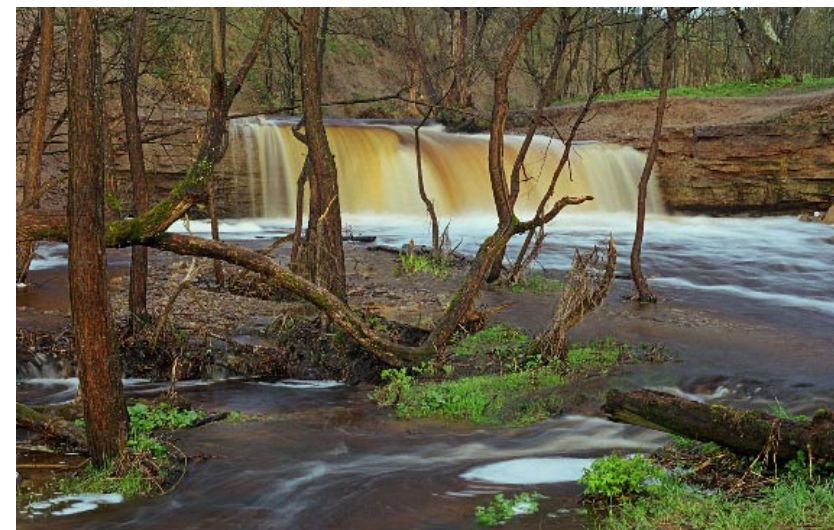
А потом полились эти образы наружу, хлынув, словно из прорвавшейся плотины... И снова пустота. Только не та пустота, что раньше, а какая-то наполненная, динамичная, чуткая – живая. Похоже, что все еще только начинается. Интересно, что там еще впереди?

Интуиция в искусстве фотографии

Во всех печатных изданиях, на семинарах, мастер-классах ведется много разговоров по технике фотосъемки, освещению, искусству композиции и т.д., но почему-то практически все авторы предпочитают молчать о самом главном, без чего технически грамотные снимки будут лишь скучными безжизненными фотоотпечатками. Я имею в виду то состояние эмоционального подъема, напряжения и ожидания момента, в котором и делается один единственный кадр, отражающий самую суть – момент истины. Почему-то практически не встречается информации о некоем внутреннем чутье профессионального фотографа, которое позволяет предвосхищать ситуацию и оказываться в нужном месте в нужное время. Именно то самое «схватывание» ситуации играет решающую роль, как для фотокорреспондента, так и для фотохудожника.

Я хочу коснуться внутренних механизмов человека, способных обострить восприятие и вывести его на качественно иной уровень – уровень интуиции. Это ощущение зарождается где-то в глубине тела и в какой-то момент оно способно захватить фотографа целиком. Тогда появляется некое особое состояние - состояние парения. Возникает очень яркое и четкое восприятие ситуации, полная адекватность и четкость движений, молниеносная реакция и предвосхищение событий.

Каждый из нас, так или иначе, сталкивался с такой вещью, как интуиция, но дать четкую классификацию этому феномену практически невозможно. Однако можно обрисовать его суть. Интуиция - это совокупность зрительных, слуховых, тактильных, вкусовых, обонятельных ощущений и чего-то еще, что позволяет мгновенно схватывать самую суть происходящего и принимать порой одно-единственное, верное решение. Это шестое чувство зарождается в глубине тела в районе центра живота. Если оно включилось, то мир перестает быть хаотичным нагромождением вещей, явлений и тенденций. Мир обретает целостность. Ощущение в центре живота позволяет двигаться более осознанно и эффективно.

Понятие интуиции гораздо ближе к уровню физиологии, чем мы привыкли думать. Давайте рассмотрим, как происходит процесс восприятия через органы зрения. Свет, проходя через хрусталик глаза, проецируется на сетчатке и, распадаясь на сеть электромагнитных импульсов, передается по зрительным нервам к сверхмощному компьютеру - головному мозгу. Затем сигнал обрабатывается и проецируется внутри нашего сознания как визуальный ряд. К нему прибавляются сигналы, поступившие с других органов восприятия – обоняния, осязания, слуха и вкусовых рецепторов. Теперь в нашем сознании складывается полноценная картина мира, к которой мы так привыкли...

Получается, что мы воспринимаем некую проекцию мира внутри нашего сознания, а не само явление как есть. Между тем ученые утверждают, что органы зрения и слуха способны воспринимать ничтожно-малую долю длины световых и звуковых волн. Т.е. наше сознание сильно ограничено органами восприятия. Кроме того, всю информацию сознание интерпретирует в соответствии с алгоритмами некоей внутренней программы, вшитой в нас на уровне ДНК и корректируемой в процессе нашего развития и воспитания. В соответствии с ней мы живем, действуем, мыслим. Все, что не вписывается в эту программу, попросту игнорируется нашим сознанием. Неужели все так плохо и нет никакого шанса выйти за пределы этой программы и воспринять мир чуточку шире? – Вовсе нет. Если к работе обычных пяти центров восприятия подключится и шестой – центр живота, центр воли, то мир при этом продолжает восприниматься так же адекватно, но к нашему обычному восприятию прибавляется еще одно ощущение – ощущение взаимосвязей пространства. Это и есть ключ.

Многие восточные практики и боевые искусства развивают ощущение в центре живота. Люди, практикующие подобные вещи, достигают порой удивительных результатов. Эти практики появились очень давно, в те времена, когда от личной силы Воина зависела не только его жизнь, но и судьба целых государств и народов. Я имею в виду древний Китай, Индию и Японию. Уже много столетий назад на Востоке пришли к более глубокому пониманию природы человека и процессов, происходящих внутри его тела, и научились осознанно влиять на некоторые из них. Из тех далеких времен к нам дошли знания о некоем центре жизненной силы в центре живота, развивая который Воин способен достигать потрясающих результатов.

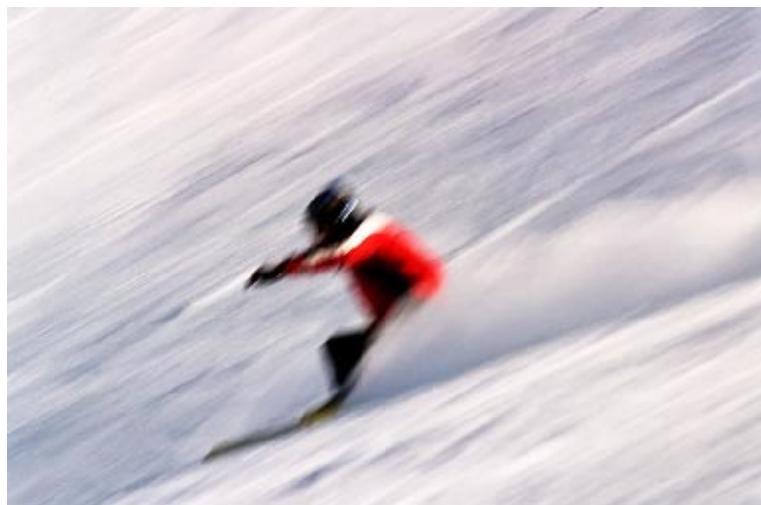
- Какое отношение это может иметь к фотографии? - спросите вы. Самое прямое. Боевые практики и фотография – суть одно. Ведь и то, и другое позволяют оттачивать восприятие. На Востоке считают, что любое искусство, будь то искусство боя, искусство танца или живописи, способно утончить восприятие до такой степени, когда скрытые, неявные стороны мира начинают восприниматься так же четко, как и повседневная реальность.

- Может, это просто начинаются галлюцинации? – спросите вы. В этом-то и суть искусства, что при утончении восприятия у нас в руках остается инструмент, позволяющий постоянно контролировать свою адекватность. Для воина – это меч, для танцора – его танец, для меня такой инструмент – фотоаппарат.

Но я не призываю вас срочно начать проводить долгие часы в медитации на нижнее киноварное поле или начать практиковать разные способы изменения восприятия. На самом деле этого не требуется. На мой взгляд, будет вполне достаточно просто наблюдать за собой. Рано или поздно, снимая динамично развивающийся сюжет или невероятной красоты пейзаж, или что-либо еще, вы войдете в состояние парения. В этот момент вы испытаете невероятный подъем сил, за спиной словно вырастут крылья, тело приобретет особую текучесть, а сама картина мира станет более яркой, живой, целостной, радостной. Вот тут-то и понаблюдайте, где находится центр этих невероятно ярких ощущений. Вы с удивлением обнаружите его не где-то в мозгу, а в глубине живота.

Отследив этот момент хотя бы раз, вы постепенно сможете возвращаться к этому ощущению вновь и вновь, по своему желанию. Тем самым это чувство вы переведете из сферы пассивного - в сферу активного внимания. Сначала вам придется искать ситуации, способные вызвать подобные состояния. Затем вы сами, осознанно, сможете входить в эти качества и управлять ими, ведь ваше тело их уже знает.

Эпилог

Бытует мнение, что пейзажная фотосъемка – одна из самых простых.

- А что? Ничего делать не надо, не надо выстраивать сложные схемы освещения, не надо работать с моделью, устанавливать кучу приспособлений и аксессуаров, только наводи и щелкай, остальное происходит как бы само собой, без участия фотографа...

Это мнение ошибочно. На самом деле пейзажная фотосъемка - один из самых сложных видов фотографии. Чтобы отразить в пейзаже нечто большее, чем просто топографический снимок местности, надо сильно постараться. Пейзажная фотосъемка - это искусство, требующее от фотографа полной выкладки, максимума сил, энергии, везения и чего-то еще.

Одно время меня сильно удивляло, когда после похода с другими фотографами мы выкладывали на стол все свои лучшие фотографии и сравнивали результат съемки. Поражал тот факт, что на столе не было двух одинаковых или даже похожих снимков. Странно, мы шли по одной тропе, снимали одни и те же виды, в одних и тех же погодных условиях, а снимки так отличаются друг на друга. В чем дело?

Постепенно до меня начало доходить, что для получения хорошего результата мало оказаться в нужном месте в нужное время. Для этого необходимо научиться чувствовать самую суть происходящего. Нужно войти ощущениями в сердце событий, войти в резонанс с ними. Масштаб, размер объекта совершенно не играет роли. Главным выступают его внутренние состояния – эталон для сонастройки. Мастерство фотографа - это умение войти в нужное качество, умение жить и чувствовать в соответствии с эталоном, умение позволять телу действовать самостоятельно, без тотального контроля разума, свободно погружаться в нужные состояния и адекватно действовать в них. Искусство пейзажного фотографа - это искусство состояний. Фотография становится независимым свидетелем внутренней работы автора, позволяет ему оценить степень адекватности в момент погружения в Нечто, она выступает в качестве инструмента в работе над самим собой, над своим восприятием. Если снимки звучат, значит, направление верно и можно идти дальше.

Для меня фотографии никогда не были самоцелью. Я никогда не выходил на природу только для того, чтобы просто снять пару-тройку красивых видов на память. Уходя высоко в горы, в лес, пустыню или степь, погружаясь в макромир, я изучаю себя. Полученные фотографии отражают, в первую очередь, мой внутренний настрой, мое мироощущение, тайну, с которой я соприкоснулся, сказку, чудо, свидетелем которому я был. Фотоаппарат превращается из средства для делания фотоснимков в инструмент для работы над собой.

Остается надеяться, что эта книга сможет зажечь и повести к своей мечте каждого, кто чувствует внутри себя искру творчества. А значит, сделает нас чуточку гармоничней и счастливее.

Подписи к фотографиям

Альпинист на фоне пика Хан-Тенгри (7010 м), Снято в первом промежуточном лагере на 4600м. Центральный Тянь-Шань, Казахстан.

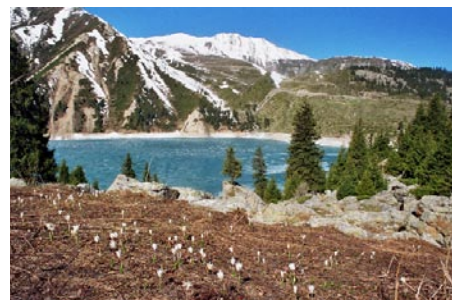
Хибины, Мурманская область.

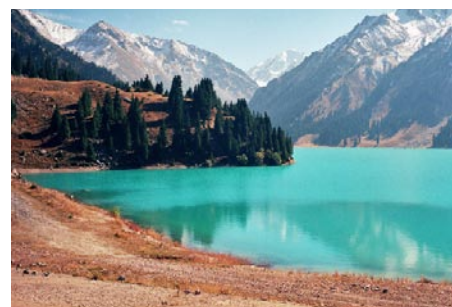
Художник Андрей Старков пишет этюды на леднике Северный Иньльчек (4200 м) у подножия пика Хан-Тенгри, Центральный Тянь-Шань, Казахстан.

Перевал в ущелье Акколь.
Центральный Тянь-Шань, Казахстан.

Большое Алматинские озеро (2050 м).
Май 2002г.
Заилийский Алатау, Алматы, Казахстан.

Большое Алматинские озеро (2050 м),
Сентябрь 2001г.
Заилийский Алатау, Алматы, Казахстан.

Большое Алматинские озеро (2050 м),
Ноябрь 2001г.
Заилийский Алатау, Алматы, Казахстан.

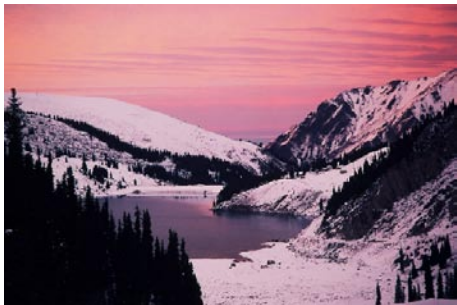
Большое Алматинские озеро (2050 м).
Май 2002г.
Заилийский Алатау, Алматы, Казахстан.

Большое Алматинские озеро (2050 м),
Октябрь 2002г.
Заилийский Алатау, Алматы, Казахстан.

Большое Алматинские озеро (2050 м),
Июль 2002г.
Заилийский Алатау, Алматы, Казахстан.

Большое Алматинские озеро (2050 м),
Ноябрь 2000г.
Заилийский Алатау, Алматы, Казахстан.

Большое Алматинские озеро (2050 м),
Апрель 1999г.
Заилийский Алатау, Алматы, Казахстан.

Большое Алматинские озеро (2050 м),
Октябрь 2000г.
Заилийский Алатау, Алматы, Казахстан.

Большое Алматинские озеро (2050 м),
Октябрь 1999г.
Заилийский Алатау, Алматы, Казахстан.

Большое Алматинские озеро (2050 м),
Сентябрь 2002г.
Заилийский Алатау, Алматы, Казахстан.

Большое Алматинские озеро (2050 м),
Декабрь 2002г.
Заилийский Алатау, Алматы, Казахстан.

Большое Алматинские озеро (2050 м),
Октябрь 2002г.
Заилийский Алатау, Алматы, Казахстан.

Пик Хан-Тенгри (7010 м), северная стена, Хребет
Тенгри-Таг, Центральный Тянь-Шань, Казахстан.

Пик Хан-Тенгри (7010 м), южная стена,
Хребет Тенгри-Таг, Центральный Тянь-Шань,
Киргизия.

Пик Хан-Тенгри (7010 м), северная стена, Хребет Тенгри-Таг, Центральный Тянь-Шань, Казахстан.

Пик им. Максима Горького, южная стена, Хребет Тенгри-Таг, Центральный Тянь-Шань, Киргизия.

Пик им. Абалакова, южная стена, Хребет Тенгри-Таг, Центральный Тянь-Шань, Киргизия.

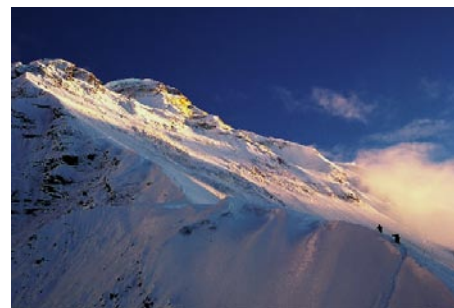
Пик Хан-Тенгри (7010 м), южная стена, Хребет Тенгри-Таг, Центральный Тянь-Шань, Киргизия.

Пик Победа (7439 м) северная стена, Центральный Тянь-Шань, Киргизия.

Пик Хан-Тенгри (7010 м) южная стена с видом на альпинистский базовый лагерь, Ледник Южный Иныльчек, хребет Тенгри-Таг, Центральный Тянь-Шань, Киргизия

Пик им. Максима Горького (6050 м), северная стена, Хребет Тенгри-Таг, Центральный Тянь-Шань, Казахстан.

Пик им. Максима Горького (6050 м), северная стена, Хребет Тенгри-Таг, Центральный Тянь-Шань, Казахстан.

Озеро Меертсбхера, расположено на стыке ледников Южный и Северный Иныльчек, Центральный Тянь-Шань, Казахстан.

Закат после бури. Ледник Южный Иныльчек. Центральный Тянь-Шань, Киргизия.

Группа альпинистов во время восхождения на пик Хан-Тенгри (7010 м), южная стена, Центральный Тянь-Шань, Киргизия.

Ледяная глыба на озере Меертсбхера в сумерках. Подсвечена карманным фонариком. Центральный Тянь-Шань, Казахстан.

Ледниковое озеро. Ледник Северный Иныльчек. Центральный Тянь-Шань, Казахстан.

Панорама Ледника Северный Иныльчек с ледниковыми реками и озерами. Центральный Тянь-Шань, Казахстан.

Ледниковое озеро. Ледник Северный Иныльчек. Центральный Тянь-Шань, Казахстан

Пик Хан-Тенгри (7010 м), северная стена. Снято из разлома в ледопаде. Центральный Тянь-Шань, Казахстан.

Ледниковое озеро на рассвете. Ледник Северный Иныльчек. Центральный Тянь-Шань, Казахстан.

Панорама Ледника Северный Иныльчек с ледниковой рекой в послезакатных сумерках. Центральный Тянь-Шань, Казахстан.

Ледовый грот, промытый рекой на леднике Северный Иныльчек. Центральный Тянь-Шань, Казахстан.

Пик Хан-Тенгри (7010 м), северная стена, рассвет. Центральный Тянь-Шань, Казахстан.

Поющий бархан, национальный парк Алтын-Емель, Алматинская область, Казахстан.

Меловые горы Актау. Национальный парк Алтын-Емель, Алматинская область, Казахстан.

Меловые горы Актау. Национальный парк Алтын-Емель, Алматинская область, Казахстан.

Меловые горы Актау. Национальный парк Алтын-Емель, Алматинская область, Казахстан.

Меловые горы Актау. Национальный парк Алтын-Емель, Алматинская область, Казахстан.

Поющий бархан, национальный парк Алтын-Емель, Алматинская область, Казахстан.

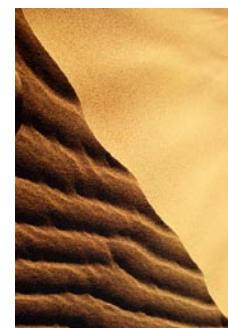
Саксаул на Поющем бархане. Магнитическая сила этого места так велика, что саксаул растет перпендикулярно плоскости бархана, а не горизонта. Реальный горизонт виден в левом углу кадра. Национальный парк Алтын-Емель, Алматинская область, Казахстан.

Долина реки Чарын, плато Торайгыр, Казахстан.

Поющий бархан, национальный парк Алтын-Емель, Алматинская область, Казахстан.

Поющий бархан, национальный парк Алтын-Емель, Алматинская область, Казахстан.

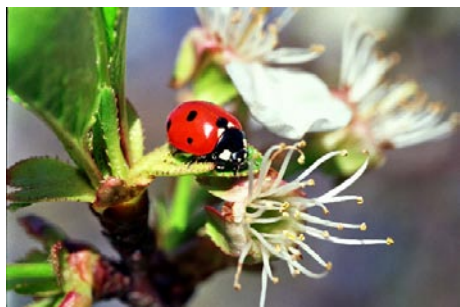
Саксаул в меловых горах Актау. Национальный парк Алтын-Емель, Алматинская область, Казахстан.

Маки в степи, Каскеленский район,
Алматинская область, Казахстан.

Поющий Бархан, национальный парк
Алтын-Емель, Алматинская область,
Казахстан.

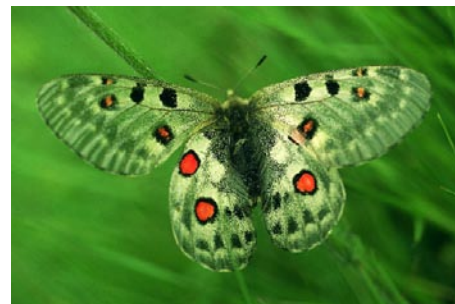
Божья коровка на цветущей вишне.

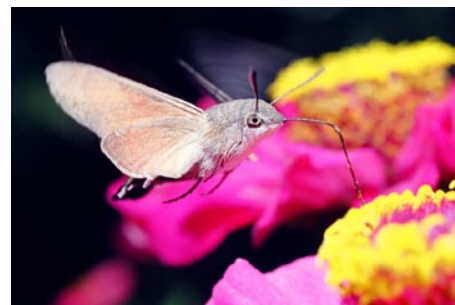
Бабачка на цветке цинии.

Крокусы закрывают лепески на ночь,
чем и воспользовалась эта дикая пчела,
ночевшая внутри него.

Апполон алатаусский.

Мотылек, зависший над цветком цинии.
Они очень подвижны, зависают над цветком на
одну-две секунды. За это мгновение надо было
успеть навести резкость и выстроить композицию.
Снято в режиме приоритета диафрагмы f/11, 250 с.
Nikkor 60 mm, Mikro. Применялась вспышка SB 28,
Штатив.

Подсолнухи на фоне закатного неба.
Подсвечены вспышкой.

Орхидеи Phalenopsyse.

Цинии, вид снизу.
Подсвечены вспышкой.

Паук краб (Бокоход).
Эти хищники принимают окраску того цветка, на котором ведут охоту.
Мне удалось снять голубого паука на цветке георгина.

Крокус алатаусский.
Эти цветы растут в горах Заилийского Алатау.
Ночью выпал снег, а на утро стали появляться проталины вокруг подснежников.

Тюльпан садовый ранним утром.

Ипомея (вьюн обыкновенный). Его цветок живет только один день. Вечером появляются бутоны, наутро они раскрываются, а к концу дня опадают. Несколько месяцев я пытался снять вьюн, обильно цветущий в моем саду, но никак не мог ухватить его утонченную красоту. Однажды вечернее солнце подсветило этот бутон сквозь лист, создав неповторимый рисунок.

Божья коровка на ветке смородины.

Гусеница переживает дождь на листе смородины. Чтобы снять этот кадр я потратил две пленки. Она терпеливо позировала. В конце фотосессии я сбегал за цветком виолы и разместил его в качестве фона за гусеницей.

Монокль. Семейный портрет.

Монокль. Автопортрет.

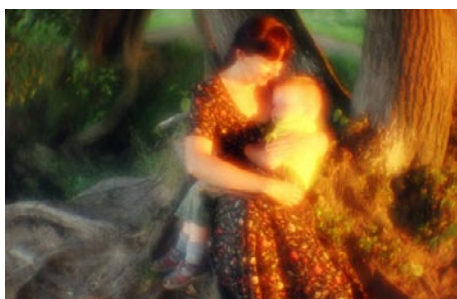
Монокль. Из серии “Деревня”.
Ленинградская область, Тосненский Район.

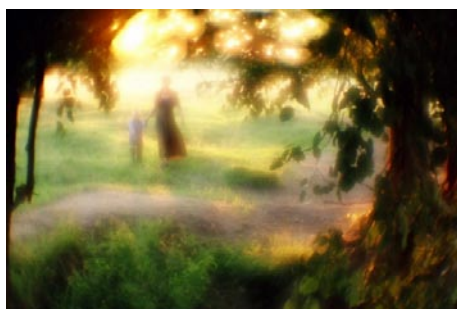
Монокль. Семейный портрет.

Монокль. Из серии “Деревня”.

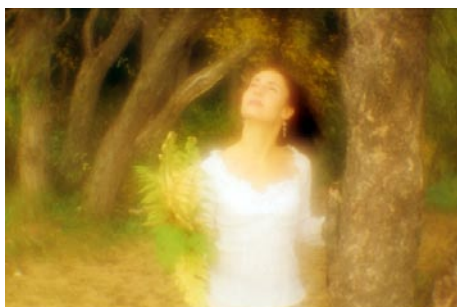
Монокль. Семейный портрет.

Монокль. Семейный портрет.

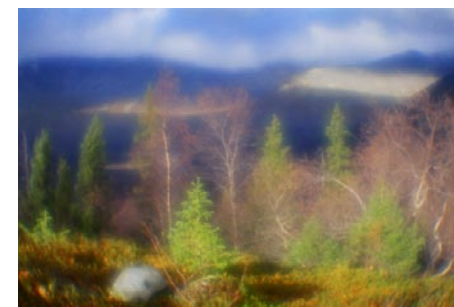
Монокль. Портрет.

Монокль. Портрет.

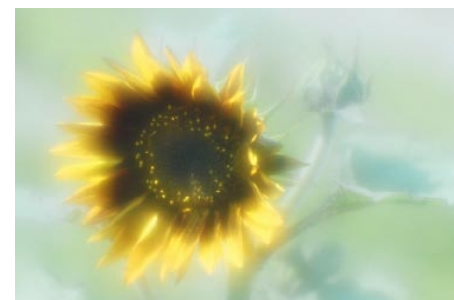
Монокль. Из серии “Времена года”.
Хибины, Мурманская область

Монокль. Из серии “Времена года”.
Хибины, Мурманская область.

Монокль. Из серии “Времена года”.
Ленинградская область, Выборгский
Район

Монокль. Подсолнух.

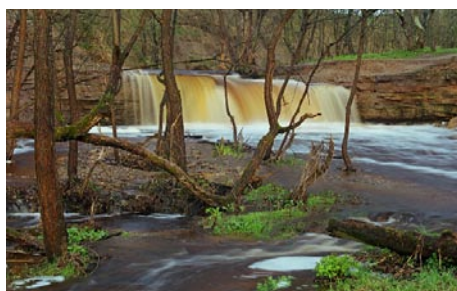
Заилийский Алатау.
Алматы, Казахстан

Река Тосно, Ленинградская область,
Тосненский Район.

Хибины, Мурманская область.

Водопад на реке Саблинка,
Ленинградская область, Тосненский
Район.

Водопад на реке Тосно, Ленинградская
область, Тосненский Район,

Горный ручей в Хибинах. Мурманская
область.